

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Туфанова Ольга Александровна,

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур,

*Институт мировой литературы, Российская академия наук,
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация*

E-mail: tufoa@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОРОДОВ И НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ В «ИНОМ СКАЗАНИИ»

Аннотация: В компилятивном памятнике «Иное сказание», составленном в 20-е гг. XVII в., можно выявить несколько типов изображения городов и населённых пунктов. Первый тип — далёкие от Москвы города как места ссылок и заточений — проявляется при описании деяний Бориса Годунова и отличается предельным обобщением и символизмом фольклорного типа. Второй тип обнаруживается во фрагментах, знакомящих читателя с биографией Григория Отрепьева и в «Извете» старца Варлаама. Города здесь представлены одним сакральным объектом (монастырём или церковью) и служат средством косвенной отрицательной характеристики Лжедмитрия I. Третий тип — это сухие перечни-списки городов-преступников Северской земли, противостоящих Москве как «городаблудницы» «городу-деве». В тексте наблюдается ряд перекличек с Откровением Иоанна Богослова, подтверждающих возможность истолкования городов Северской земли как русского Вавилона эпохи Смутного времени. Сопоставление аналогичных перечней в русских и иностранных источниках приводит к выводу, что в «Ином сказании» составитель таким способом вводит важнейшую тему: город — это прежде всего люди, именно их эмоции и поступки предопределяют двойственное восприятие городов: с политической точки зрения, города Северской земли — преступники, «блудницы», с гуманной точки зрения, это люди, решавшие для себя далеко не простые вопросы. В целом, городская тема, художественно скрупультно представленная в «Ином сказании», включена в единый интерпретирующий события русской истории код и играет важную роль в публицистическом замысле составителя.

Ключевые слова: «Иное сказание», тип изображения городов, мотив, Б. Годунов, Лжедмитрий I, города Северской земли.

В «Ином сказании», компилятивном памятнике, составленном предположительно в 20-е гг. XVII столетия в Троице-Сергиевом монастыре книгохранителем обители Стахием, как и во многих других русских сочинениях, посвящённых событиям Смутного времени, не встречается полноценных описаний городов и

населённых пунктов, характерных, например, для жанра хождений, что обусловлено не только жанровыми особенностями, но и художественно-публицистическими задачами, которые ставили перед собой авторы. Вместе с тем городская тема отчётливо звучит на страницах произведения, наименования городов и населённых пунктов приводятся с целью объективно при общем субъективном и политически маркированном подходе к изложению событий отразить ход истории и играют немаловажную роль в художественном замысле составителя.

В памятнике обнаруживаются несколько типов изображения городов и населённых пунктов. Ниже будут охарактеризованы три типа изображения городов, выделяемых на основе специфики введения в повествование городской темы, за рамками статьи останутся особенности изображения осад городов, которым были посвящены специальные исследования¹, и художественная специфика образа Москвы, поскольку это требует отдельного изучения.

Первый тип — далёкие от Москвы города как места ссылок и заточений. Этот тип изображения отличается предельным обобщением и символизмом и проявляется в тексте «Иного сказания» при описании деяний Бориса Годунова. Как правило, в этом случае упоминаемые города остаются безымянными, им предшествует либо эпитет «разным», либо эпитет «далёным»: «И потомъ сродниковъ его, князя Василія Ивановича Шуйского и единокровныхъ его братію, розосла по разнымъ городомъ въ заточеніе <...> Такоже и гостей <...> иныхъ по далымъ городомъ въ заточеніе розосла» [11, стб. 6]; «...по дальнимъ по разнымъ городомъ розослати въ заточеніе» [11, стб. 53]. Если город или населённый пункт назван, то он оказывается тесно связан с мотивом насильтвенной смерти: «...въ заточеніе посла того на Бѣлоозеро и тамо злою нужною смертію уморити того <...> а брата же ихъ князя Андрѣя Ивановича отосла въ Буй-городъ и тамо повелѣ его уморити смертію нужною...» [11, стб. 6]. При этом ни описаний внутреннего устроения городского ландшафта, ни минимально развёрнутого рассказа о происшедшем не наблюдается, что в целом типично для исторических текстов древнерусской литературы: место, где происходило то или иное событие, называется, но не описывается. Однако устойчивость речевой формулы, в которую в принципе можно подставить название любого города, свидетельствует о проявлении в этих фрагментах особого символизма, символизма фольклорного типа, когда за образом скрывается вполне определённое одно-единственное значение (невеста — лебедь, жених — сокол, хлеб-соль — символ гостеприимства). Так и здесь отдалённые от Москвы города становятся символами смерти и ссылки знатных особ. Если же в тексте и появляются упоминания таких компонентов городского ландшафта, как дом, площадь, то они оказываются устойчиво связаны с мотивом разорения или насильтвенной смерти: «Такоже и гостей многихъ

¹ См., например: Туфанова О. А. 1) Традиции воинской повести в «Ином сказании» (на примере анализа эпизода осады Новгорода Северского) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. Сб. статей. М.: [б.и.], 2009. С. 237–250; 2) Идейно-художественное своеобразие повестей об осаде в так называемом «Ином сказании» // Макарьевские чтения. Можайск: ООО «ИПК Парето-Принт», 2015. Выпуск XXIII (в печати).

посредѣ града казнити повелѣ, а домы ихъ въ расхищеніе предложи» [11, стб. 6]; «...по дальnymъ по рознымъ городомъ розослати въ заточеніе, а домы ихъ и имѣнія повелѣ расхитити и растощати...» [11, стб. 53].

Второй тип обнаруживается во фрагментах, знакомящих читателя с биографией Григория Отрепьева и в «Извете» старца Варлаама. Составитель последовательно перечисляет монастыри, в которых подвизался будущий самозванец, и каждый раз упоминает город, где находилась та или иная обитель: «И отьиде во градъ Сужданль и нача пребывать во обители Всемилостиваго Спаса въ Еуфиміевѣ монастырѣ, и ись того монастыря прииде въ томъ же уѣздѣ въ монастырь ко Спасу, по слытію на Куксу» [11, стб. 17]; «И по малѣ времени изыде оть Николы Чудотворца со Угрѣши и вселися въ предѣлахъ града Костромы во общее мѣсто въ монастырь Иванна Предтечи на Желѣзномъ Борку» [11, стб. 18], аналогично — в «Извете» [11, стб. 18–25]. Такого же типа упоминания городов появляются и в связи с отдельными историческими лицами, вводимыми в повествование, например: «...Вятскіе области града Хлынова Успенского монастыря со игуменомъ Трифономъ» [11, стб. 17]. Важным в этом случае является не сам город или населенный пункт, а обитель, город же оказывается представлен одним-единственным сакральным объектом.

К. Линч в книге «Образ города», посвящённой особенностям восприятия визуальной формы городского ландшафта, отмечал: «Для “работающего” образа необходима, во-первых, опознаваемость объекта, предполагающая его различение среди других. Во-вторых, образ должен включать в себя пространственную или формальную соотнесенность объекта с наблюдателем и другими объектами. В-третьих, объект должен иметь какое-то практическое или эмоциональное значение для наблюдателя» [4, с. 20]. Для составителя «Иного сказания», как и для его предшественников, чьи тексты легли в основу памятника, такими доминантными точками становятся храмы и обители. И это отнюдь не случайно, французский исследователь Жак Ле Гофф, давший краткий обзор городской темы и сюжетов в Библии в книге «Средневековый мир воображаемого», пришёл к выводу, что особое положение в средневековом городе «занимают два сооружения <...> Храм и Дворец, церковь и замок» [3, с. 285]. В этом смысле составитель «Иного сказания» практически полностью следует сложившейся традиции. Однако, как справедливо отмечал К. Линч, «наше восприятие города отнюдь не последовательно, оно скорее фрагментарно, переплетено с другими заботами» [4, с. 15].

В «Ином сказании» повышенное внимание к сакральным объектам городов и областей обусловлено не только родом деятельности автора-составителя, не только стремлением к объективности повествования (дать краткий обзор биографии Григория Отрепьева — в основном тексте, детализированный — в члобитной Варлаама), но и неявно выраженной, но хорошо просматриваемой художественной задачей. С одной стороны, непостоянство Григория Отрепьева («По многимъ монастыремъ жительство преходя имый...» [11, стб. 17]), беспринципный переход из одной обители в другую, отсутствие указаний в основном тексте, сколько времени он пребывал в том или ином монастыре, создают впечатление невероятной быстроты

передвижения героя в пространстве и служат косвенно средством отрицательной характеристики Лжедмитрия I. Лёгкость, с которой Отрепьев оставлял одну обитель за другой, говорит об отсутствии такого положительного качества у него, как «укоренённость в бытии», если воспользоваться термином М. Хайдеггера². Немецкий философ в работе «Отрешённость», перефразируя слова Иоганна Гебела «Мы растения, которые — хотим ли мы осознать это или нет — должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды», задаётся вопросом: «Есть ли еще родина, в почве которой — корни человека, в которой он укоренен?» [13]. Гришка Отрепьев, согласно тексту «Иного сказания», имеет русские корни: «...законопреступника ростригу Гришку Отрепьева, родомъ Російскія же области, града зовомаго Галича, отъ младыя чади Юшку Яковleva сына Отрепьева...» [11, стб. 17]. Но у него, в отличие от истинных царей, представителей древнего «святого корени», и возвышаемого в памятнике Василия Шуйского, происходящего также, согласно тексту, от прежних благоверных царей «корене», от великого князя Владимира и от великого князя Александра Ярославича Невского, отсутствует чувство родины, укоренённость в своей почве. Он не приживается ни в одной обители, стремительно в начале своего пути движется за пределы Российского государства, а воцарившись, делает всё, чтобы уничтожить русские традиции (достаточно вспомнить хотя бы описанное в «Ином сказании» венчание на царство Лжедмитрия I и его свадьбу с Марией Мнишек). Лёгкость, с которой он перемещается из одной обители в другую, обернётся потом откровением для его современников: практически все авторы, в том числе и составитель «Иного сказания», будут писать об осквернении русских церквей, черниц, желании искоренить православную веру и уничтожить православный люд.

По сути, в данном случае города, представленные одним сакральным объектом, в рассказе о Лжедмитрии I выполняют важную художественную задачу (имеют значение, по К. Линчу): они не только служат средством косвенной отрицательной характеристики Григория Отрепьева, но и предваряют последующий рассказ о его действиях, главная цель которых в символическом плане — разрушение сакрального пространства Российского государства.

Третий тип введения в повествование городов и населённых пунктов появляется во фрагментах, изображающих противоборство Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Это перечни: «...пришедь подъ Муромскъ градъ и нача досылати писанія и прелѣти прелестію вражію <...> въ Муромъ, и въ Черниговъ и въ Курескъ, и въ иныя грады...» [11, стб. 26]; «Людіе же въ тѣхъ градѣхъ: въ Муромъ, и въ Черниговѣ, и въ Курецѣ, и Комарицкія волости, и въ Путимли, и въ Рылескѣ, и въ Стародубѣ, и въ Ромѣхъ, слышавше сія, быша тогда въ размыщленіи...» [11, стб. 28] и др. Как видно из приведённых примеров, и здесь отсутствуют какие-либо индивидуальные или типические, шаблонные характеристики городов, относящиеся к

² М. Хайдеггер в работе «Отрешённость» писал о том, что человек в эпоху быстрого развития науки и техники оказался на пороге забвения своей «глубочайшей сущности», что ведёт к состоянию забвения и бытия как такового, и сущностной связи с бытием, отличающей человека от всего остального. См.: [13].

материально-культурной сфере (планировка, особенности застройки, дома, улицы и пр.), это сухие перечни-списки. Но в общем контексте повествования о борьбе Б. Годунова и Лжедмитрия I города Северской земли, ставшие центром изменения и преступления, противостоят Москве как «города-блудницы» «городу-деве». Исходя из мифопоэтических и «исторических», библейских предпосылок, В. Н. Топоров выделял «два образа города, два полюса возможного развития этой идеи — город проклятый, падший и развращенный, <...> и город преображеный и прославленный, новый град, спустившийся с неба на землю. Образ первого из них — Вавилон, второго — Небесный Иерусалим» [12, с. 122]. Города Северской земли и есть в изображении составителя «Иного сказания» русский Вавилон эпохи Смутного времени. В тексте наблюдается ряд перекличек с Откровением Иоанна Богослова, подтверждающих возможность такого истолкования. Так, в Откровении сказано: «И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал, Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесам и пристанищем всякому нечистому духу...» (Откр. 18: 2). Города Северской земли принимают Лжедмитрия I, которого автор-составитель именует в тексте не иначе как «сатанин угодник» [11, стб. 33], «ававилонское семя» [11, стб. 50], а иностранцев, пришедших с ним на Русскую землю, как «бесовозлюбленное его войско» [11, стб. 33]. Примечательно, что в тексте «Иного сказания» будет показано (правда, частично) и исполнение пророчества о гибели Вавилона: «...пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу <...> Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам ее; в чаше, в которой она приготовляла вам вино, приготовьте ей вдвое. <...> За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем <...> И восплачут и возрыдают о ней цари земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара ее, стоя издали от страха мучений ее и говоря: горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришел суд твой...» (Откр. 2–10).

Страшным судом покарал Борис Годунов жителей Комарицкой волости за то, что «ростригъ предались и служатъ» [11, стб. 34]. Объятый гневом и яростью, Годунов «повелъ ея великимъ плѣномъ плѣнити и до конца опустошити <...> и всѣхъ православныхъ христіанъ посѣтчи отъ мала и до велика, а иныхъ всякими различными муками умучити, еже и бысть» [11, стб. 34]. В начале эпизода задаётся сквозной мотив «великого», т. е. «злого», плениния, который выдерживается на протяжении всего небольшого фрагмента: «...великимъ плѣномъ плѣнити <...> каково плѣненіе бысть Комарицкіе волости <...> злое то плѣненіе...» [11, стб. 34–35]. Но это не плениние в прямом смысле слова: в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского глагол «плѣнити» представлен тремя значениями: «взять въ плѣнь», «завоевать, покорить» и «увлечь, соблазнить» [9, стб. 976]. Это не просто завоевание, это покорение до полного уничтожения: «...многимъ разнымъ мученіемъ безъ милости умучи и горькимъ убийствомъ убивая не токмо мужей, но и женъ, и безлобивыхъ младенецъ, сущихъ млеко, и поби отъ человѣка и до скота» [11, стб. 34]. Восходящая градация человеческих страданий и насильственной смерти сменяется далее в эпизоде градацией уничтожения и город-

ского ладшафта: «И имънія ихъ расхищена быша, и домове до конца разорены быша и огнемъ пожжены; вся въ прахъ преврати» [11, стб. 34–35]. Такое стилистическое строение эпизода создаёт страшный образ мёртвой волости, сходный по силе описания с мёртвым городом Рязань, уничтоженным Батыем (См.: [8]). Судьба комаричан становится прообразом возможной грядущей судьбы для жителей всех городов и населённых пунктов, поддержавших Лжедмитрия I, символами грядущей беды «великой», смерти, оставляющими единственный выход: «...единъ путь намъ ко спасенію, иже тя не отпустити отъ себе, да Борису добити челомъ, а тобою заплатити вину свою» [11, стб. 35]. Примечательно, что весь эпизод пронизан двойственной, противоречивой символикой, проявляющейся в оценках автора-составителя: с одной стороны, Комарицкая волость, как и другие добровольно принявшие власть Лжедмитрия I города, — это волость-преступник, волость-«блудница», а с другой стороны, здесь отчётливо проявляется иной аспект урбанистической темы, впервые отмеченный ещё Фукидидом: «Ведь город — это люди, а не стены и не порожние корабли» [15, с. 348 (кн. VII, 77, 7)], и потому на первый план в авторской оценке произошедшего выходит мотив сострадания, невозможности описать словами великую трагедию комаричан.

Перечни городов в рассказах о первых военных победах Лжедмитрия I обнаруживаются во многих русских и иностранных сочинениях о Смуте. Русские авторы, как правило, упоминают 2–3 города и далее употребляют обобщающую формулу «и иные многие»: «Градъ Царевъ, Бѣлградъ и иные многіе грады такожде ему предашася и съ селы» [11, стб. 28]; «...и предаша ему грады в руцѣ его: Путивль и Черниговъ и иныя грады страны Сѣверская» [14, с. 370]. Иностранные авторы приводят обыкновенно довольно длинный перечень сдавшихся Лжедмитрию крепостей. Так, Жак Маржерет³ сообщает, что самозванцу покорились Чернигов, Путивль, «Рыльск, Кромы, Карабчев, а также с татарских границ Царев Борисов, Белгород, Ливны и другие» [5, с. 54]. Аналогичный перечень покорившихся городов (Путивль, «Брянск, Рыльск, Чернигов, Карабчев и многие другие» [6, с. 152]) даёт Исаак Масса⁴. По

³ Жак Маржерет (1550-е гг. – после 1618 г.) — француз по происхождению, выходец из судейского сословия, профессиональный солдат-наёмник. Служил французскому королю Генриху IV, позже австрийскому, трансильванскому и польскому монархам. В 1600 г. завербовался на службу в Россию. В Москве командовал пехотной ротой. Участвовал в борьбе с Лжедмитрием I. С приходом последнего в Москву перешёл на сторону самозванца, командовал отрядом иноземной стражи в Кремле. В сентябре 1606 г. после вступления на престол Василия Шуйского вернулся во Францию, опубликовал книгу «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского». В 1608 г. возвратился в Россию и поступил на службу сначала к Лжедмитрию II, затем — к польскому королю Сигизмунду III. В марте 1611 г. участвовал в подавлении восстания москвичей против интервентов, в поджоге и разрушении Москвы. Осенью 1611 г. Маржерет навсегда покинул Россию. С 1612 г. и до конца своих дней исполнял роль французского политического агента в Польше и Германии.

⁴ Исаак Масса (1587–1635) — голландский купец, происходивший из знатного итальянского рода, переселившегося в Голландию во время реформации; учёный, путешественник, картограф. В 1600–1609 гг. находился в Москве с торговыми целями, изучил русский язык, собрал большое количество материалов, освещавших события в России в конце XVI –

степени распространённости перечня «Иное сказание» оказывается ближе к иностранным источникам, а по восприятию и изображению событий — к русским. Если иностранцы дорожат документальной точностью, фактичностью, что демонстрируют пространные перечни городов, позволяющие представить реальную расстановку сил, предшествующую осаде Новгорода Северского, то для русских авторов принципиально важно: не какие именно города предались во власть Отрепьеву (довольно и количественно-бесстрастной характеристики «многие», которая уже сама по себе таит трагический подтекст), а почему русские города в большинстве оказывали почёт Лжедмитрию I и сдавались без боя.

На первый план в мотивировке поступков жителей в русских текстах выходят эмоции. Так, С. И. Шаховской в «Летописной книге», рассказывая о расправе жителей Чернигова с местными воеводами, пишет о чрезмерной радости, которую испытали горожане, узнав, что на город идёт спасённый Божьей милостью от Борисова убиения царевич Дмитрий: «...воздрадовашася о том радостию великою зело» [14, с. 370]. На руководство чувствами, а не разумом указывал и автор «Хронографа 1617 г.»: «...подыхаша о немъ: мняху бо, яко той есть им же пронарицается» [2, с. 328]. Создатель «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства», вспоминая факт «бесстыдного» вторжения Лжедмитрия I в грады Северские, столь же эмоционально описывает причины принятия Отрепьева жителями тех мест, дважды указывая на их суетное безумие, отсутствие ума-разума, малодушие: «Живущии же людие во странахъ тѣхъ осутишася помышлением и объородѣша умомъ, и малодушством обязашася...» [7, с. 136].

На этом фоне творческий метод составителя «Иного сказания» стоит особняком. Книжник совмещает оба подхода: фактологичность и эмоциональность. Люди в городах Северской земли: «въ Муромѣ, и въ Черниговѣ, и въ Курецкѣ, и Комарицкія волости, и въ Путимли, и въ Рылескѣ, и въ Стародубѣ, и въ Ромѣхъ» [11, стб. 28] — вынуждены были решать сложную задачу, получив послание от Лжедмитрия: сын ли он государя царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича или нет: «...быша тогда въ размыщлениї» [11, стб. 28]. Положившись на «щедроты Божія», они «мнѣвшу то вправду быти <...> и чаяху его быти сущаго прирожденаго своея христіянскія вѣры царевича» [11, стб. 28].

В «Ином сказании», как и в большинстве других русских сочинений, вопрос веры и неверия в чудесное спасение царевича, вопрос истинности Димитрия стоит для жителей пограничных городов на первом месте. Но решающим аргументом добровольного и мирного предания во власть Отрепьева для жителей становится,

---

начале XVII вв. В 1610–1611 гг. написал «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии...», впервые опубликованное в России в переводе в 1874 г. Петербургской археографической комиссией. В 1614 г. вторично был в России, в Москве и Архангельске. Помимо книги о Московии, на основе своих записей и зарисовок Масса составил обширные карты России, впервые нанеся на них Соловецкие острова, сделав их известными Европе; написал две статьи о Сибири, которые вошли в число первых сочинений об этом крае в западноевропейской литературе. В 1620 г. перешёл на шведскую службу и в составе уже шведского посольства дважды (1628 и 1634 г.) посетил Москву.

согласно тексту, точное знание: «А про Бориса добръ вѣдають, яко неправдою восхити царство и потаенно подсѣче древо благоплодія <...> и много бесчисленно пролиль неповинныя христіянскія крови, доступающи великого государства» [11, стб. 28]. Составитель «Иного сказания», в отличие от многих русских авторов, не ограничивается исключительно династическим объяснением причин быстрых побед Лжедмитрия I. Пролитая Борисом Годуновым кровь неповинных христиан — это едва ли не главная причина того, что никто из жителей не стал биться против войска Отрепьева: «И никто же ста братися противу его» [11, стб. 28]. Таким образом, отталкиваясь от сухих перечней городов-преступников, составитель «Иного сказания» вводит важнейшую тему: город — это прежде всего люди; именно их эмоции, их поступки предопределяют и двойственное восприятие городов: с политической точки зрения, города Северской земли — преступники, «блудницы», с гуманной точки зрения, это люди, решавшие для себя далеко не простые вопросы.

Наконец, упомянутые в перечнях города при изображении деяний Лжедмитрия I полностью совпадают с названиями городов, поддержавших Илейку Горчакова (настоящее имя — Илья Иванов сын Коровин, по прозвищу Муромец), выдававшего себя за царевича Петра, и Ивана Болотникова. И это отнюдь не случайно. Коренным населением Северской земли были севрюки, один из трех субэтносов, по мнению Л. Н. Гумилёва, оказывавших активную поддержку самозванцам⁵, люди свободолюбивые и воинственные⁶. Именно они станут центрами военно-политического противостояния власти Москвы, опорой самозванцев разного толка, неоднократно Лжедмитрий I будет отсиживаться в Путинске (см.: [11, стб. 34, 36, 38, 41, 47–48 и др.]). Но если в первом случае люди Северских городов предались самозванцу по глубокому размышлению и вследствие Борисова кроволюбия, то во втором случае — это результат страха и безумия среди севрюков, донцов и рязанцев: «Овіи безъ ума прелстишася, овіи страха ради множества ихъ предашася имъ, обнищаша бо разумы и поползша въ погибель сами: градъ Путимль, и Рылескъ, и Черниговъ, и Муромескъ, и Курескъ, и Стародубъ, и Кромы, и всѣ грады Сѣверскіе, и Шатцкіе мѣста и Резанскіе, и вси улусы и земли» [11, стб. 99]. В обоих случаях нулевой дифференцирующий потенциал отличительных знаков городов, входящих в перечень, компенсируется обобщёнными характеристиками жителей, что, с одной

⁵ По мнению Л. Н. Гумилёва, «Активную же помошь Самозванцу оказали только три субэтноса: севрюки; обитатели нижнего Дона — потомки хазар, говорившие по-русски, но, как и севрюки, не считавшие себя великими русскими, — и рязанцы — воинственные жители степной окраины. Рязанцы постоянно отражали татарские набеги, отвечая нападениями не менее жестокими, и вообще привыкли к войне настолько, что для них все были врагами: и степные татары, и мордва, и московиты, и казанцы». См.: [1].

⁶ «Знаток курской старины, писатель и историк Е. Л. Марков писал о них: “Постоянная жизнь на пустынных рубежах земли русской, среди глухих лесов и болот, вечно настороже от воровских людей, вечно на коне или в засаде с ружьем или луком за спиной, с мечом в руке, постоянные схватки с степными хищниками, ежедневный риск своей головой, своей свободой, всем своим нажитком, выработали в течении времени из севрюка такого же вора и хищника своего рода, незаменимого в борьбе с иноплеменными ворами и хищниками, все сноровки которых им были известны, как свои собственные”». См.: [10].

стороны, вводит в повествование важный тематический аспект (город — это люди), а с другой — вписывает упоминаемые города в создаваемую автором-составителем идеологическую парадигму как города, исторически и символически детерминированные.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что городская тема, художественно скрупультно представленная в «Ином сказании», оказывается включена в единый интерпретирующий события русской истории код и играет важную роль в публицистическом замысле составителя. Благодаря приёму предельного обобщения города воспринимаются как некое целое, как единый живой организм, как активные участники развернувшейся борьбы Б. Годунова и Лжедмитрия I. Они персонифицированы в истории Смуты как города «правильные» и «неправильные» по отношению к законной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гумилев Л. Н. От Руси до России. URL: <http://gumilev.narod.ru/p3ch02.htm> (дата обращения: 19.01.2015)
- 2 Из хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 318–357.
- 3 Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / пер. с фр. Е. В. Морозовой; общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Издат. группа «Прогресс», 2001. 440 с.
- 4 Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.; ил.
- 5 Маржерет Ж. Состояние Российской державы и великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 10–76.
- 6 Масса И. Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 77–256.
- 7 Плач о пленинии и о конечном разорении Московского государства // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачёва; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1987. С. 130–145.
- 8 Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (дата обращения: 25.05.2015).
- 9 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1902. Т. II: Л–П. 1802 стб.
- 10 Севрюки — коренное население Северской земли // Сборник статей и материалов посвященный деревне Любощь и местам ее окружающим. РГАДА. URL: <http://diderix.petergen.com/rgd-svr.htm> (дата обращения: 19.01.2015).
- 11 Такъ называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся в Смутному времени. СПб., 1891. РИБ. Т. 13. Стб. 1–144.
- 12 Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста: сб. ст. / под ред Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 121–132.
- 13 Хайдеггер М. Отрешенность. Перевод с издания: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen, 1959. S. 11–281 / пер. А. Г. Солодовникова, 1991. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 19.01.2015).

- 14 Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 358–427.
- 15 Фукидиd. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1981. 545 с.

* * *

Tufanova Olga Aleksandrovna,

PhD in Philology,

*Senior researcher of Department of ancient Slavic literatures,
The Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Povarskaya str. 25a, 121069 Moscow, Russian Federation
E-mail: tufoa@mail.ru*

THE IMAGE OF CITIES AND TOWNS IN «THE OTHER LEGEND»

Abstract: The compilatory monument «The other legend», collected in the 20-ies of XVII century identifies several types of images of cities and towns. The first type, which includes places of exile and imprisonment far from Moscow, appears in the description of the acts of Boris Godunov and is characterized by the utmost generalization and symbolism of folklore type. The second type is found in the fragments, acquainting the reader with the biography of Gregory Otrepiev and «Izvet (petition)» by the elder Varlaam. Cities are represented there by a single sacred object (monastery or church) and serve as a means of indirect negative characterization of False Dmitry I. The third type has concise lists of criminal towns of Seversk land, which as «city-whores» oppose to Moscow as a «city-virgin». In the text there is a series of echoes from the Book of Revelation by John the Theologian, confirming the possibility of interpretation of the Seversk lands as Russian Babylon at the Time of Troubles. While comparing similar lists in the Russian and foreign sources, we can come to the conclusion, that the compiler of «The other legend» introduces in this way the major theme: the town is first of all its people. It is their emotions and actions that predetermine the dual perception of the city. From the political point of view, the towns of Seversk lands are the criminals, «whore towns», from the humanistic point of view, they are towns of people who are solving difficult problems. In general, urban theme, which is sparingly presented in «The other legend» from artistic point of view, is included in a single code, interpreting events of Russian history, and plays an important role in the conception of compiler.

Keywords: «Another legend», image type cities, the motive, B. Godunov, False Dmitry I, the city of Seversk land.

REFERENCES

- 1 Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Available at: <http://gumilev.narod.ru/p3ch02.htm> (Accessed 19 January 2015).
- 2 Iz khronografa 1617 goda [From 1617 Chronograph]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian literature: end of

- XV – beginning of the XVII centuries], vступ. st. D. Likhacheva; sost. i obshchaia red. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 318–357.
- 3 Le Goff J. *Srednevekovyi mir voobrazhaemogo* [The Medieval imagination], translation E. V. Morozovoi; ed. S. K. Tsaturovoi. Moscow, Izdat. gruppa «Progress» Publ., 2001. 440 p.
  - 4 Lynch K. *Obraz goroda* [The image of the city], translation V. L. Glazycheva; compiler A. V. Ikonnikov; ed. A. V. Ikonnikova. Moscow, Stroiizdat Publ., 1982. 328 p.; il.
  - 5 Marzheret Zh. *Sostoianie Rossiiskoi derzhavy i velikogo kniazhestva Moskovskogo* [The state of Russian empire and the Grand Duchy of Moscow]. *Rossiia XVII veka. Vospominaniia inostrantsev* [Russia in XVII century. Memoires of foreigners]. Smolensk, Rusich Publ., 2003, pp. 10–76.
  - 6 Massa I. *Kratkoe izvestie o Moskovii* [Brief news of Muscovy]. *Rossiia XVII veka. Vospominaniia inostrantsev* [Russia in XVII century. Memoires of foreigners]. Smolensk, Rusich Publ., 2003, pp. 77–256.
  - 7 Plach o plenenii i o konechnom razorenii Moskovskogo gosudarstva [Lament of the capture and the final ruin of the Moscow State]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian literature: end of XVI – beginning of the XVII centuries], vступ. st. D. Likhacheva; ed. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 130–145.
  - 8 Povest' o razorenii Riazani Batyem [Tale of the Destruction of Ryazan by Batu]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. Vol. 5: XIII vek. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (Accessed 25 January 2015).
  - 9 Sreznevskii I. I. *Materialy dlja slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam* [Materials for the dictionary of old Russian language on the basis of written records]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902. Vol. II: L–P. 1802 column.
  - 10 Sevriuki — korennoe naselenie Severskoi zemli [Sevryuks as the indigenous population of the Seversk land]. *Sbornik statei i materialov posviashchennyi derevne Liuboshch' i mestam ee okruzhaiushchim. RGADA* [Collection of articles and materials dedicated to the village Lyubosch and surrounding places. RGADA (Russian State Archive of Old Acts)]. Available at: <http://diderix.petergen.com/rgd-svr.htm> (Accessed 19 January 2015).
  - 11 Tak" nazyvaemoe Inoe skazanie [The so-called «The Other Legend»]. *Pamiatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosiashchiesia v Smutnomu vremeni* [The monuments of old Russian literature at the Time of Troubles]. St. Petersburg, 1891, vol. 13, column 1–144.
  - 12 Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskem aspekte [The Text of a city-whore and a city-virgin in the mythological aspect]. *Issledovaniia po strukture teksta: sb. st.* [Research on the structure of the text: collection of papers], ed. T. V. Tsiv'ian. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 121–132.
  - 13 Heidegger M. *Otreshennost'* [Detachment]. Perevod s izdaniia: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen, 1959. S. 11–281 / translation A. G. Solodovnikova, 1991. Available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (Accessed 19 January 2015).
  - 14 Shakhovskoi S. I. Letopisnaia kniga [Chronicled book]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian Literature: end of XVI – beginning of the XVII centuries], vступ. st. D. Likhacheva; ed. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 358–427.
  - 15 Thucydides. *Istoriia* [History], translation G. A. Stratanovskogo. Moscow, Nauka Publ., 1981. 545 p.